

18+

Вадим Шарьгин

ИЗБРАННОЕ

Стихи и поэмы. 2009–2023

Вадим Шарыгин
Избранное. Стихи
и поэмы. 2009–2023

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69871447

ISBN 9785006072930

Аннотация

Поэт Вадим Шарыгин, автор книг «Путь для немногих», «Правда о человеческой жизни», «Серебряный поэт», «Высокая пропасть», «Поэтическое восприятие». Родился и проживает в Москве. На одной планете с современностью, но в разных вселенных!

Содержание

Жизнь в искусстве	6
На казнь пройти поэту	8
Анна Ахматова	10
Я покинул свою достоверность	12
Обильное стихотворение	15
Стихи о неизвестности	18
Высокая площадь	25
Вздымая парус	27
Цикл Тайна	29
Я пью за последних младенцев	34
Светающий Трёхпрудный пуст...	36
Письмо, которого не будет	38
Мандельштаму	42
Дикое мясо	45
За то, что я в пропасть взойду	48
Огромное мгновение	50
Сердце в снегу	53
Обращение к Бродскому	56
Снег да вьюга и некуда деться!	61
Улица Мандельштама	63
Маяковский. Застреленное сердце	69
Здесь жила	72
А стихи остались...	74

Накuna Matata

76

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Избранное
Стихи и поэмы. 2009—2023

Вадим Шарыгин

© Вадим Шарыгин, 2023

ISBN 978-5-0060-7293-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь в искусстве

Полёт над бездной. Бездна дней,
В которых нет тебе ответа:
Где свет? И станет ли видней
Потьма, в которую одета

Промозглость одичалых выюг,
Блеснёт мечом, лучом округа?
На камень наскочивший плуг,
Упавший конь...
Жить друг без друга:

Жар вдохновенья и ожог
Не могут – пламенем едины!
Свет – очи дочерна ожёг
И вторгнул в смоль волос седины.

Ни дня, ни часа. Мига нет!
Вся жизнь – в строю. Вся кровь – пролита!
Вся жизнь в искусстве – это цвет
Бинта, макает в кровь элита

Стихи стихий! Разгул теней
В подножье церкви златоглавой...
Глаза и души чуть темней...

Лавиной жизнь! И гибель лавой.

На казнь пройти поэту

*Прощальным поэтам
прошедшей России посвящается.*

Сегодня
Лет осколки канут в Лету,
Покоем оглушает ночь вдвойне.
Дорогу, жизнь! – На казнь пройти поэту,
Несущему луч солнца на спине.

Сегодня
Дождь идёт тысячелетний:
Роняет слёзы с кромок дней весна.
Прервите – суд, обиды, гогот, сплетни,
Взирайте смерть: засушлива, пресна!

Сегодня
Жмётся ночь, как инок к вере,
В Елабуге мрак спичкой разогрет.
Стон стих: на Офицерской, в Англере;
Вторая речка не зажгла в бараках свет.

Сегодня
Залп! – в шинель и капли смерти

На насыпи под Питером. В Москве —
Проезд Лубянский выстрел ждёт, поверьте
Не ранее полудня злой молве.

Сегодня
Возвратится к Гумилёву —
Смертельно обвенчавшаяся с ним.
Вся жизнь – словам, давайте, к слову
Высоко ветви тонкие склоним!

Сегодня
Казнь: вослед, в глаза, заочно!
Как кровь из вены – судьбы извлеку...
Слезится дождь и колокол полночный
Подвязывает капли к языку.

2009 – 2015

Анна Ахматова

В уставшем кресле, в сборках шали,
С предощущением потерь...

Весь вечер форточки свершали
Вход ветра в комнату. И дверь

С одною уцелевшей створкой
Во флигель бывшего дворца,
Скрип разнося скороговоркой,
Всё жалась к дому. Нет конца,

Казалось, этой странной ночи,
Бездомной ночи, хоть кричи!
Сна не было. Так, между прочим,
Как дым от тлеющих лучин,

Душа рассвета дожидалась.
Ей ожиданье шло, к лицу!
Ей шло смертельную усталость
Не дать заметить подлецу.

В безумном каменном палаццо
Торчали тени из углов.
Ей шло рука-не-подаваться
Подёнщикам бульварных слов.

В уснувшем кресле слушать слякоть
Весны. И как влачится ночь.
Поэту вечно – жить что плакать, И вечно некому помочь!

2010—2013 г.г.

Я покинул свою достоверность

Я покинул свою достоверность людскую —
Нынче в снах наяву, в отражениях, в бликах.
И смертельно живу, и с метелью тоскую...
Маяковского площадь, погрязшая в Бриках!

Человечище чёрный – по белому снегу,
Одинёшенек, грузен и губы в кровище,
Так размашисто сжат. По-булгаковски, «Бегу» —
Предпочтение, за» морем русских разыщет

Память сердца, к чему разговоры на кухне,
Когда всё, даже камни, – уснуло навеки?
Граммфон. Фон Барон. Эх, «дубинушкой» ухнет
По чужбине Шаляпин... Лакеи. Калеки...

Берега, берегите причальные всплески!
Эта ночь над усопшей, усохшей страной :
Век за веком, замедленно падает Ленский!
Из песка – адресов петербургских настрою.

Прогоню отрешённость, соломинку дайте,
Ухватиться, успеть к уготованной кромке!
И анданте строки, и отдайте мне Данте,

И осыпанный осенью Осипа громкий —

Взвыв над стайкой читателей, стойкие, где вы?!

Истекающим сердцем светить, будто Данко!

И девический смех под созвездием Девы,

И всплеснувшая юбкою в танце цыганка,

И латунная тусклость часов на ладони:

На круги своя – время стареет помалу;

И бормочет строку за строкой, и долдонит

Барабанные дробы, наполнив пиалу,

Дождь Брабанта... То горче, то громче, то тише,

Говори, говорливым ручьям уподобясь,

Там озвученной древностью пышет Татищев,

Там означен Мариной в поэме автобус.

Там марина: с марлином, с мечтою и мачтой,

На которой приспущен, как флаг в день печали,

Белый парус... Поздравь, со строкой не начатой,

На которой бы в бронзе и в бозе почили —

Окаянные страхи! Пусть площадь Сенная

С декабристами – снежная пустошь пустыни!

Одинокая жизнь, стылым ветром стеная,

Однозвучно, как чай недопитый, остынет.

2019

Обильное стихотворение

из цикла «Потерянное слово»

Случились ступени:

охлёстаны водами, грянулись оземь.

Вздымалось молчанье над ставшей застывшей в поклонах травой.

Согретая звёздами, жизни прибравшая, пришлая осень.

Оставленных львов при парадных дверях ропоток роковой.

Страшась безразличия,

взором касаясь чего-то такого...

Последним надеждам давая приют и с руки прикормив

Пугливую стайку столетних минут, месяц выгнув подковой,

(1) Смотрел, как в припарке дождя достоверно рождается миф.

(2) Смотрел на лучи из созвездия Льва в гуще каменных грив.

Обильная грусть —

обронённых дождей пелена вековая.

С безудержно страстным желаньем обнять и в глаза загля-

нуть —

Проходим, согнувший судьбу в три погибели, прочь ко-
выляя,

Вдыхал во все лёгкие обременённую временем муть.

И сердце в крови,

и птенец с высоты на свободу отпущен.

И горсточка строчек – в грязи, под ногами живущих впе-
рёд.

Мир спал мёртвым сном,

греясь спичкой зажжённую, прежнего пуще

(1) Любуясь кладбищенским великолепием горных пород.

(2) Любуясь, податливой взгляду, смиренностью твёрдых
пород.

Случалось ли вам :

Ливан обходить, в Ассирии петь о фьордах

И взором прижаться к возлюбленным снам Покрова-на-
Нерли?

И остановиться, как в Двадцать девятом конвейеры Фор-
да...

Туман... Тишина... Напоённый покой... Ах, куда забре-
ли!

Уснувшие всплески весла,

убаюканный сад, астр страсти;

С трудом выго ва ри ва е мая б о г о п о д о б н а я синь.
В счастливые полутона уходящую тропку окрасьте!

(1) Из мрака виднеется, целую жизнь возвращавшийся сын.

(2) Из мрака возносится: целую жизнь возвращающий сын!

2019

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОСТИ

*«Миллионы убитых задёшево
Протоптали тропу в пустоте..»*

Осип Мандельштам

Отложите – себя, нет нас более,
Позабудем свои имена!
Сноп бенгальских огней, степь Монголии —
Снам внимающим – в кровь вменена
Достоверность под ливнем и в с у м р а к е,
Ослеплённые ночью идём.
И подобраны смыслы на м у с о р к е,
И оставлены судьбы и дом.
Капли голоса. Гул глоссолалии.
Бормочи. Шевели языком!
В запрокинутой в древность Италии
С каждым камнем развалин знаком.
Станцы станции Дно не расписаны
Рафаэлем, с гербами состав:
По перрону – ниспосланный, списанный —
Николай. Никого не застав...

Только колокол бродит над соснами,
На века не найдя звонарей.

И огнями мелькнув папиросными,
Жизнь уходит, вдогонку, скорей!

И улыбка сквозь слёзы, и платице,
И тьма-тьмущая ласковых рук.
И на саночках девочка катится
В белоснежную прорву разлук...

Чермный уголь Цусимы подбрасывай.
В раскалённую топку кидай:
Тяжеленный трёхдольник Некрасова
И привставший на джонках Китай.
Кислый мрак скорняка где-то в Познани,
Майский шаг царскосельских аллей;
Детским пальчиком узанный, познанный,
Ставший краше, кромешней, теплей —
Облик странствия – вставший, как вкопанный,
На краю удивления конь!
Взмах руки, грязный флаг над окопами,
Белый свет – гладь ладонью, чуть тронь
Тишину, будто друга умолкшего,
Прикоснись и одёрни... молчи...
Почернела Цветаева в Болшево,
Потеряли от жизни ключи —
Все, кто в списках не значится, грянули,
Как в литавры, в ладоши и в бой —

В телогрейках, спрессованы в гранулы
Комья, Господи, быть бы с тобой!

Завоёваны конкистадорами :

Пыльный взгляд и разгромленный сон.

Бьёт по клавишам Дороти: «до-ре-ми»!

К небу ластится ласточек сонм.

И горит между Врубелем с Врангелем

Одинокой лампы слеза.

И латынь, осыпаясь Евангел (и) ем,

Отглаголилась русским: «Слезай,

Дальше некуда жить вам, приехали,

Выходи, Александр Колчак!»

Грохотнуло над прорубью, эхом ли,

Или стрелочник сдвинул рычаг?

И бредут эшелоны, волочатся

По заснеженным рельсам хребтов.

Краснощёкой с наганом налётчицей,

С папироскою, прорезью ртов —

Разошлась бранью полночь, по случаю,

Цедит волглую вонь неспроста.

И висит ночь звездю колючею

Над расхристанной эрой Христа.

Средь снегов, против ветра, контуженный

Распахнув руки в небо, бреду

Белобрысый... Рассевшейся к ужину
Артиллерии, будто в бреду,
Отдаётся приказ – с визгом бешеным
Мина, может, минует, простит?
«Пропадающий без вести» – где же мы,
Где мы все – знают ветви раки.
Вдалеке, вся в крови, Богородица,
Крылья ангелов – в клочья, в снегу.
И укрыт звёздным небом, как водится,
Бег вперёд, и прочтёт на бегу
Кто-то в рясе, с бородкой козлиную,
«Отче наш...», относи... еже си...
И замесят кровавою глиною
Груды рёбер, давай, мороси,
Лейся снег ледяной – на погожую
Высоту, на хрустальную мглу
Тишины, жжёной, вспаханной кожей
Рук оторванных стонет в углу
Чья-то юность в груди холодеющей,
Отходящей ко сну навсегда.
Догорит в небе, в сердце, ну, где ещё,
В предрассветном удушье звезда...

Загляделась в себя, будто в зеркало,
Ночь, с бессонницей тишь на двоих;
И вращала глазищами, зыркала,

Постаревшая, знавшая стих —
До рождения смыслов и шороха
Между младшей и старшей сестрой —
Жизнь в обнимку со смертью, и Шолохов
Омывал тихим Доном настрой
Сильных рук разрубить узел гордиев,
Пил настой отцветающих трав.
...Волочат седоков кони гордые —
Всех, кто молод был, прав и не прав...

Неизвестный, в затылок уложенный
В котлован, иль с осколком во ржи,
Расскажи, напоследок, как схожи мы,
Как бежим босиком в миражи;
Как слезимся над книжкой потрёпанной,
Как прощаемся, дёрнув чеку;
Как крадёмся весенними тропами...
Я сейчас тихий гром навлеку
На картину, там, справа от рощицы,
Поднялась стая птиц над зарёй..
Неизвестной край тени полощется
В млечной заводи, в неге сырой.
На полу Петербурга, на пристани
Графской – пристальный взгляд и к виску
Потянулась рука, чтобы в Принстоне,
Изучив, спустя годы, тоску

Русской участи, сделали описи
В диссертациях, так, мол, и так...
И посмертных записочек прописи,
И застывшие сгустки атак;
Грудь навывлет и руки с коростами,
Тусклый звон орденов пиджака,
И берлинские белые простыни,
И кивки из фарфора божка...
Растерялись. Слегли. Миллионами.
Неизвестные... Нет вам числа...
Колокольня, упавшими звонами,
Поднялась – над дождём – проросла.

2022

Стареет молодость. Не срубленными встали:
Жилец квартиры, тополь у ворот.
Оглохший дождь – по выкрашенной стали,
Осипший ветер ворот вяло рвёт.

Не время – некому писать стихи! – вот рана
Моих затерянных в пространстве лет.
Народ – нет жутче, нескончаемей тирана!
Но и печалей в сердце больше нет...

И только сонм, и сон сиреней в дымке сизой —

Оставит невесомые слова.

Легка, как пух, как мудрость сур из уст хафиза,

В пространстве слов седая голова!

март 2015

Высокая площадь

Всем, навсегда утраченным Россией, посвящается...

Словно не было их,

Не звучали над ночью высокие трубы.

Умерла тишина одичалых дворцов, ополоснутых прожекторами траншей.

И пригубленный воздух столетий горчит. И повесился грубый

Окрик – в бешеном полуподвале... Смертельная жизнь! —

Ослепили, прогнали взашей...

Я вбираю голодные крошки в ладонь – строчки чёрствого края.

Догорающих зрелищ полны заточённые в книги стихи, не слышны никому.

Но высокая площадь, сиянием лунным наклонно играя, —

Литургию глубокого облика ночи творит! И воскресшая жизнь на кону!

Словно всё нипочём,

Я возделывал площадь распластанной речи!

Вслед за плугом моим: и литания гласных, и сомкнутый
цвет голословных потерь.

Славно крылья слышны – высоту темноты набирающий
кречет,

Оглашённая радость моя – взблеск последней строки
И тогда навсегда, и теперь!

Соглядатаи любящих —

Нас, спящих в снах, извлекли, наказали :

Ждём, живьём позабытые, – мести изысканной или грозы
ослепительный кнут!

Раздуваются щёки оркестра... Часы «без пяти» – на вок-
зале...

Преисполнена неизгладимости, замерла пустота
Отгремевших минут.

2018

Вздымая парус

Глухие дни стоят. Последние на плюшевой арене

С линялым куполом смешного шапито.

И лебединый взмах, вздымающих паденья брызг, седых
стихотворений —

Охаживает – бризом средиземных утр —

московский перламутр пальто.

Разлука разметала любящих! И выколот окраин —

С глубокой смолюю пустоты – зрачок.

И затерявшийся в позолочённых снах иль в оторопи лун-
ной Каин,

И заплутавший в дебрях смысла,

запропастившийся в сияньях, дурачок —

Поэт беспамятства – сшибает с веточек ранет багровый,

Зубами тянет узел тайны – сгустки лент!

Разоблачённую мороку в пальцах мнёт. И басом Маяка:

«Здорово!» —

Ядром влетая в зал – в чахоточный мирок зевак,

прошляпивших момент

Р а с х о х о т а в ш е г о с я колдовства – вдоль бубна

Скользит шаман, камлая с воем горловым!

Простоволосая в многострадальности стоит судьба стихов
в Трёхпрудном.

И на руках несут, отчаливший от кромки родины, трёх-
трубный дым.

Глухие сны висят. Лианами с небес спадают ливни.

Ввысь движется сырого шума пелена.

Обводы вымокших ресниц, рёв чёрного слона, нацелив-
шего бивни...

Кровь волн разбившихся об скалы...

Поэту выплаканность ливнем вменена —

В походку речи, чтоб так чувствовать – до дрожи!

Зажав в руке цвет похоронок матерей,

Солдатом падающим журавлей смотреть,

летающих над страной, – дороже

Полёт зовущих стай, чем день за днём...

Вздымайте парус в странствиях морей!

Пропал в снегах. Где, сытый голодом, дрожит простран-
ства лепет.

И в память о падении поэта – взлёт!

И даже убиенный скульптор гор —

из звонкой глины гарный воздух лепит.

В качающиеся пиалы алых маков – расплавы талые вольёт.

Цикл Тайна

1.

Благоухание крепчало и волною
Прокатывалось и, преград не находя,
Переходило в шелест сонного дождя,
Прогрохотав нешуточной войною
Над мезонином сгинувшей страны...
И все, оставшись вечеру верны,
В глубинах одинокой тишины —
Оказывались вместе, вместе с чувством
Прикосновенности, наполненной искусством,
К невыразимой, неприкаянной, великой
Успевшей тайне, зародившейся из блика,
И ставшей: блажью, дрожью, миражом...
Кочует тайно, в облике чужом.

2.

Из рассыпанного пепла,
Из рассказанного пекла,
Где Ассирия намокла,
Где уткнулся ветер в стёкла,

Проступала: сквозь портреты,
Строчки писем, бересту —
Та, которой сны согреты,
До которой дорасту

Слишком поздно, спозаранку,
Как жар-птицу ухватив,
Вызнав плакальщиц огранку
И садовников мотив, —

Тайна вымысла предстала:
Изнутри наружу явь.
Как кристалл внутри кристалла,
Невозможное, представь:

Дети счастливы, здоровы,
Заигрались на лугах.
И пятнистые коровы,
Зычно молоко отдав,

Растянулись вдоль дороги,
Коротая Млечный путь.
И слегка хмельные боги,
Собираются макнуть

Свои кисти в даль без края,

В лунный блеск ночей своих...
Звёзды в строчки собирая,
Освещает склоны стих.

3.

Издёрганный, заглывая смрад
Казённого, пропахшего расстрелом,
Сырого воздуха – в потоке угорелом —
Предлинный день подлунной ночи рад!

Здесь вместо рук – торчащие оглобли
Перевернувшихся в ночи телег.
И эмигрантом белым первый снег.
И города от пустоты оглохли!

Раздаренные нервы не вернуть.
Желание учить превозмогая,
Вновь зиждется Вселенная другая,
Оживших бредней взбалтывая муть.

Какой там, смысл! – Лишь клочья слов из ваты,
Летят на пол вдоль сомкнутых гардин.
И, натирая лампу, Аладдин,
Вдруг, шепчет правду: Все мы виноваты...

Но, спешно спохватившись, об ином :
Как в двери антилопа бьёт копытом;
Как грусть сусальна в городе забытом,
Залитом – лунной ночью и вином.

Гарпун вонзают в спины китобои...
Ствол наповал охотится на львов...
И Николая князь оставил Львов...
Таранят лбами грязный стол ковбой...

Посыпались герои со стены
И скрещенные сабли, и доспехи,
И встречный каждый делает успехи,
Но тайны дней ещё не сочтены.

4.

Не царствует. Лишь в сумерках заметна,
На вздрогнувших ресницах оседая,
Не пеплом – тишиной, в которой: Этна
И Далай-лама, и прохладный лад Валдая,
И в даль взошедшая, стихает в дымке стая.

Как будто снег над только что зарытой
Душою Петербурга – падай, падай —
Подай копеечку, прохожий, брось в корыто!
Пусть бродит эхо каменной аркадой.

Пусть вороны не проворонят падаль.

Чай не допит. Ушла и не вернула :
Надежду, Осипа, осыпавшийся оспой
Двадцатый век, тяжёлый скрип баула
И сферу, оказавшуюся плоской...
И раздаёт посулы Луций Сулла!

И с барского плеча согреют груды
Валяющихся улиц, пьяных в доску.
И в обескровленной стране забуду
Об окровавленной строке, в полосу

Топорщится пиджак из Москвашвея!
И тайну слова – в проруби баграми..
Иль тайны вовсе нет!? Нагрень на грани!
Там, скрученный руками в рог бараний,
Тюльпан в снегу, довлеет, хорошея...

2021

Я пью за последних младенцев

*«Я пью за военные астры, за всё, чем корили
меня» Осип Мандельштам*

Я пью за последних младенцев, ослепших от вспышки
вдали.

За то, что нам некуда деться, за радий, за роды в пыли.

За всхлипы дельфинов в лагунах, за чеховских пьес пря-
моту,

За всё, что сказать не смогу, но... губами схвачу на лету.

Я пью за терпение свыше под куполом цирка церквей,

За ливень по глиняной крыше, за дом, от дороги правей.

За чёрную с белым волною нагрянувшую в брызгах блажь,

За слово, которым волную, за должное, что мне воздашь,

Когда, осушив горло влагой, покинет хрусталь лёгкий
брют.

Я пью там, где тень бедолагой, отбросил предательски
Брут;

Где песнь стрекозы обречённой прекрасней трудов мура-
вья!

Я пью, там где поп и учёный, небесных отцов сыновья —

Развесили простынь льняную для смотра вживую картин.
Под смех, кровью вен разлиную земной, от любви каран-
тин!

Я пью, уместив дождик мелкий в бокал, за иное, за вас,
Участники сумрачной сделки, постигшие... в тысячный раз!

19 июля 2022 года

Светающий Трёхпрудный пуст...

*«Чудный дом, наш дивный дом в Трёхпрудном,
Превратившийся теперь в стихи».*
Марина Цветаева

Светающий Трёхпрудный пуст —
Замызган дочиста!
Смертельно мало наших, пусть,
Состарив отчества,

Прощальный век, устал, затих,
Со всем покончено.
Застиг рассвет врасплох, за стих —
Вся кровь, как «Отче наш...»,

С багровых губ – листва и сон,
И свет доносятся.
Покой со смертью в унисон,
Молва-доносчица

За ней, за мною по пятам,
Нам судьбы поданы
Иль участи? Я всё отдам,

Я неба подданный!

Я залпом вкрикну строки в вас —
Уравновешенных —
Всё больше в жизни, напоказ
Дни кровью взвешены!

Светающий Трёхпрудный пуст
И много снегу, да...
Приснился мне рябины куст,
Краснее некуда!

2010—2017 гг.

Письмо, которого не будет

«...горькая гибель Цветаевой, возвращение на гибель – верю – была не ошибкой измученной, втянутой в ошибку женщины, а выбором поэта. Она унесла свою слепую правду о России в вымышленную страну, в невымышленную петлю, но правдой не поступилась».

Владимир Вейдле

«Я и в предсмертной икоте останусь поэтом».

Марина Цветаева

Ты должен знать,
Как в час последний,
Я стул и жизнь свою в передней
Взяла... И в сени отнесла...

Дрожь. Сумрак. Чиркаю три спички.
Слова рифмую по привычке:
«Сень – Сени – Осень – Осенить...».
...Ужасно хочется занять,

Завыть! Но я кидаю взор
Как бы на весь земной позор,
Что в петлю – русского поэта

Суёт! В последний полдень лета.

Сижу, не видя ничего...

И вдруг я вспомнила его —

Тот давний день...

Я – на ростановском «Орлёнке»,
Стреляюсь и... Осечка. Громкий
Был щёлк курка... Письмо хотела

Ей в машущую руку на бегу...

Там – осеклась. Здесь – не смогу...

Зрю о т р е ш е н и е —

Любимое моё

До обмиранья сердца слово!

В нём – распадение того,

Что уж не вместе и не нужно..

В нём замшевое «ш» наушно

Звучит. Не слыша никого.

В нём: шелест уж истлевших риз,

Шуршанье ног босых о плиты,

Лавины шум, сошедший вниз,

В нём – шёпот лёгкий пышной свиты.

Ты должен знать,

Что в час кромешный
Я о т р е ш а ю с ь от себя,
Не отрекаясь! Всех? – Конечно,
Убьют. Враги. Друзья. Любя.

Ну вот и слёзы, так некстати,
Льёт жалость
Из предсмертных глаз.
Там, в небе, справа на кровати,
Наверно, выплюсь. В этот раз.

Ты должен знать:
Чирк! Спичка,
Гасни! – заслушав вусмерть соловья,
Ты выжил? – Знать,
Готовься к казни!
Крюк – от людей. Петля – твоя.

Гляди, поэт,
Идущий мной,
Гляди! Повышенный за мной,
Поэт: как гибнет —
Лучшее, что есть!
Как вешают любовь и честь!

Висят в петле. Висят во мгле.
Кто ж остаётся на земле?

Всё. Ухожу. Прощай и помни —

Поэт уходит на века.
Врыдай в них! —
...как свозили дровни
Поэтов, сдёрнутых с крюка

Мандельштаму

«Сохрани мою речь навсегда...»

Настала торжественность: памяти, взгляда и голоса обнажена —

Темна беззащитная статья, как в чернила макнули.

И длится секунда, как падая, слышит расстрелянных стоны княжна,

И царствует ночь только в пору цветущих магнолий!

Сухими напейся слезами из Чистых прудов!

Мне стих Тридцать первого года – прожить бы вручную.

И пляшет духанщиком день, все чайники продав,

И речь окунают в ангарскую прорубь ночную.

Хватающих воздух губами, зашедшихся кашлем, блаженных найди —

Ходячие тени, свершившихся лет доходяги —

В осеннюю блажь погружённые строки, у коих вся смерть впереди,

Хватили из мёрзлой бадьи веселящейся браги!

И грянулась оземь давно ненавистная весть:

Что нет таких горл на земле, чтобы выпростать свары

Ночных камнепадов, и тихо при этом учесть,
Ночных «воронков» ужасающе-тихие фары...

Свой голос остывшей буржуйки отставший запишет поэт,
наготу.

И бледные тени трамваев, злой дребезг вбирая,
В моём, до костей обнажённом, в сиротском, в таком же
московском году

Исчезнут под натиском солнца, в разгаре раздрая.

9.09.2020 года

Я для плахи стихи напишу,
для посмертного вскрика над койкой,
На которой застыли лучи полуночной звезды.
Я под бьющимся сердцем ношу неумолчный какой-то
Голос, будто распаханный стон вековой борозды.

Постаревшее имя потерь
напишу вдаль, в дороге с котомкой.

Только ты мне поверь, только ты и остался, осталась одна
у меня!

Пусть почудится что-то о жизни последним потомкам: Ти-
хий пепел костров, да задумчивый взгляд
на остывшее пламя огня...

Я с опаской стихи напишу —

как босой по камням под полуденным зноем.

Где блаженная течь ренессанса с избытком страстей!?

Я лишь тень воскрешу венценосных веков, о которых мы

знаем

Только след, неподвластный сознанию свет скоростей.

Постучись в эту дверь,

об дубовые в кровь разбивая ладони!

Днём с огнём утверждаясь как тесен мир комнаты той, Где

вода, проржавев, бьёт по капле в висок и латуни

Так хватает для сорванных кранов из жизни пустой.

Я такие слова напишу – что услышишь: как звёзды горят
и как высятся скалы, И литавры прибоя, и жаренный визг
городов; В них: встрававшие в шторм кораблей броненосные
скулы

И вспорхнувшая ветреность птиц москворецких садов!

Мне бы только успеть:

распалить и расставить покой беспробудный

И готов написать: «жизнь превыше всего». Ввысь влекут
Мандельштама заплечные, млечные будни. Я слагаю стихи
из потупленных взоров его...

2020

Дикое мясо

«Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо,

только сумасшедший нарост... Вот что мне надо»

Осип Манделъштам

В покинутых домах и в бездыханных весах —

Огни, одни, о дни мои, нечаянная россыпь фонарей,

Примите странника, пусть я слезами высох,

Взволнованным мирволю москворечным снам и делаюсь
бодрей,

Когда царит простор и Савскою царицей

Ступает ночь, и тенью по стене крадётся аравийский лязг!

Жизнь пропадом пропала, но вернёт сторицей

Туман – остроконечнейшую шаткость шор и шалость
ласк.

Минуя рык, стяжавших беспробудность клеток,

В которых миллионы лакомятся диким запахом жратвы,

Я больше не касаюсь взглядом глаз и меток

Стрелок, остановивший сердце навсегда, мы все – мерт-
вы!

Я радостно молчу словами о великом

Высокочувственнейшем равнодушии своём, мне всё рав-

но:

Ни жив, ни мёртв – вдрызг не причастен, поживи-ка

Вот так, узнаешь, в пальцах разотрёшь рациональное зер-

но!

Наклон стены иль свежее объятье спячки?

Мой славный бред свободных очертаний, бытиё мне
на черта?!

В Крыму заклинивший наган в руке Землячки

И струйка крови запеклась в белогвардейском уголоч-
ке рта.

Окончательный вариант концовки стихотворения:

Нам жизнь теперь на крохотных лугах, спит горсточка,
в тумане.

Поспите, могикане вы мои, пусть не справляется костёр
с крошечной тьмой!

И тишина под небом. И-и в о л г а молчит. Строка обма-
нет,

Ведя тропинкою неведомой, в цветущий мир, за горизонт
мечты, д о м о-о ой...

Изначальный вариант концовки стихотворения:

Ни Запад, ни Восток уже, ни север с югом —
Не надобны! Печорина увозит вечная коляска, ээ-эй...
Саднит поэзия... И тихо станет другом
Есенин, стонет, чуть живой... И полночь стынет в сумраке
полей...

В покинутых пространствах ветер, волком воя,
Оспаривает ночь у мёртвой тишины, но пустота сильней:
Лишь ты да я, да мы с тобой, нас нынче двое :
Читай, дослушай до конца до горизонта тонущих коней!

В ночь на 28 декабря 2019 года

За то, что я в пропасть взойду

За то, что я в пропасть взойду

«За то, что я руки твои не сумел удержать»

Осип Мандельштам

За то, что я в пропасть взойду и оставлю открытою дверь

В полночную тайну полуночной прелести сада, —

Я должен испачканный кровью души бросить бисер, по-
верь,

В забрызганный грязью загон, где жуют до упаду.

В блуждающих ветрах ночных рукоплещут цветами го-
да —

В которых изящество взгляда и мысли аккордом

Последним, стихающим явлено... Явь, ты, как речь, мо-
лода

В сновиденном старчестве облика облака твёрдом.

Откуда же взяться всем взявшимся за руки вокруг всей
Земли,

Когда б ты меня удержала от шага в поэты!

Колючие мётла в колодцах дворов кущи в кучи смели

И райские руки снам выдали волчьи билеты!

А ты, угасая, тащила обвисшие крылья, ждала —
Зажжённой свечи! – Я учился любить, в час по чайной...
Сусальные слёзы – московских небес пролились купала.
И падшую ночь довелось утром встретить случайно.

И стоят ли все мои строки двух выцветших крыльев твоих?!

Зачем восстаю против неба земного, скажите!

И кто-то, как будто за волосы, волоком выставит стих
Под сумрачный дождь, и умолкнет, как все, небожитель...

В распахнутый ветер окна, вместо старости, в радость шагну.

Разбился упавший полёт? Да, но даль-то какая!

Лишь парус вдоль скрежета шторма глаза провожают
ко дну...

Ишь, волны грохочут об берег, в мятеж вовлекая!

18.07.22

Огромное мгновение

В приморском уголке земли,
Соседствуя с прибором чувств, с гарцующими бликами
Фонтанов, с биением часов, сердец;
С соитием влюблённых глаз, с покинувшим алеющие губы

навсегда —

Признанием, в разгаре тишины морской,
Под звёздами – уснули розы, стихла благодать.

Взгляд возлежал на лепестках и высота глубин подлунных
Ошеломляла безымянностью, в которой
Угадывалась, будто бы улыбка в уголках,
Порода, словно в дымчатом нутре опала спали
Подёрнутые дымкой лет холмы...

Вся пряжа вымысла не стоила, пожалуй,
Потраченных на чтение мгновений? —

Коснуться взглядом строк – не хитрая работа, правда?
Жизнь тщательна... И тщетна ночь без сна...

Глотком волны не утолить
Накопленную веком жажду слова.
И как оглохшая Цусима

С замедленной мощью поглотила
Мундиры с золотом умолкших русских лейтенантов,
Так ночь бескрайняя над одиноким городом моим
Жильцов своих навеки вечные
Без права переписки забрала.

Не море доносилось, но была
Уверенность в присутствии его размеренных шагов.
Безветрие. Безмолвие. Безбрачие.
Безумие. Барбадос. Барбизон...

Я ворковал, я вовлекал в раскаты моря парусники слов!
Колодезная яркость звёзд пленяла,
В просторном сумраке минуты утопали.

Упали-то как просто и легко – тут лепестки, там мысли,
здесь ресницы...

Приснится, может быть, кому кромешный дождь
И пусть заглохнет всё кругом, до одури, до дрожи!

Всё заколочено, крест-накрест, тишь окрест.
А ночь, а я, вон там, с бессонницей в обнимку,
Где далеко поют, должно быть, после сенокоса,
Не различить костров, не спрятать голоса,

Останусь, скоротаю вечность... Кто здесь! —

Старик и море, просто ты – привык к разбросанным впри-
тык к волнам —

Огням танцующей Г а в а н ы...

В а г о н ы

нескончаемо гремят вдоль машущей руки на полустанке.

Останки Родины моей. Не захороненные чувства.

Исповедальны: россыпи уснувших роз

И подвенечный шелест тишины...

2019

Сердце в снегу

«Ты стол накрыл на шестерых»

Марина Цветаева

Эта лестница вниз.
Со ступенями вниз.
И промокшее эхо
разбившихся вдребезги криков.

Нависает карниз.
Над эпохой карниз.
И промолвленный ветер
вдоль брошенных судеб, смотри-ка!

И когда, обессилив, совсем постарев,
Разглядишь как виднеется тенью во сне,
Переживший жильцов, старый дом с мезонином,
То полночный подковообразный напев,
Там, на подступах дальних к бездомной весне,
Прикрывает ресницами явь в мире мнимом.

Это сердце в снегу.
Остывает в снегу.
И огарок мечты,
и заснеженность сердцу милее.

Ты спроси, я смогу.
Я ответить смогу —
Как искрится прекрасно,
напрасно, на красном аллея!

Этот снежный покой.
Дотянуться рукой
До свершившихся дней,
Где не знают ещё... Где счастливые дети,

Запрокинувшись, знают оттенки теней;
Вдохновенно вбирают сто тысяч огней,
Замирая на третьей от солнца планете!

Эта лестница в ночь.
Восходя, перевозмочь :
Одинокое эхо шагов вдоль окрашенных стен
и приставленных к стенке трагедий.

И куда-нибудь прочь,
Вниз по лестнице, в ночь,
Чтобы беглым безумцем бузить, и о брennom
безудержно, безотлагательно бредить!

Поперёк бездны шест.
За столом – снова шесть.
Под ногой – бельевая верёвка,
струна Паганини и строки впусую.

Крыш стареющих жечь.
Отстраняющий жест.
Водружает падение,
взглядом обласканный снег,
на картину простую.

2021

Обращение к Бродскому

Поставить на крыло слова,
Иль высвободить с рук – летучий облик слова, —
Вот то, что сблизит с памятью о вас
и что разъединит.

Поговорим, сперва,
О том, как в Питер ветер снова
Врывается, и к ржавчине магнит

Седого взгляда – к ржавым мыслям не причастен
И брода нет в окне. И Бродского. И бред
Острейших строк – миг папиросный рвёт на части...
Косящий бег косуль приносят на обед.

Сейчас начнёт хромать размер и, будто сходня,
Я, отходя на отстояние руки

От кромки верности словам,
пытаясь смысл постигнуть,
варево господне,

Взвожу, впритык к вискам, калёные курки!

...Мартынова рука – с ней поравняться? —

На высоте глубоких карих глаз,
Да так, чтоб песнями высокогорных наций
Наполнились ущелья в поздний час!

Настигнуты судьбой – Печорин с Бэлой —
Надежды кончились, стоим, молчим,
Засматриваясь в звёзды ночью белой,
Угадывая призрачность причин —

Весомой неподвижности, цветущей
Громады павших в омуты лесов
В тот миг, кода в чащобах млечной гущи
Глазищи заохотившихся сов...

Неисцелима набережных готика
От серой, водянистой, злой тоски.
В колодцах Петербурга с серым котиком
Мы ночью беглой сделались близки:
Шли по верёвкам бельевым, давно оборванным,
Заглядывали в гладкий мрак глазниц
Квартирных окон, растекались ворванью —
Ворванными радостями лиц —
По улицам, по тропам, трапам, кажется,
Искали талый лёд чужой строки,
И знали точно: если дёгтем мажется
История, то вымрут старики...

Которые с е2 на е4 в летнем зное
Годами начинали белых ход.
Гудком охрипшим над страной заноеет
Бредущий в Чердынь с бредней пароход.
Отдаст концы, от пристани отчалит:
Иосиф к Осипу – завесит гостя ночь.
В кармане пиджака клочок печали,
Встречайте, провожайте наших прочь,
О, люди мира, завсегдатаи таверны,
В которой пляшут кружки на столах!
И фолиант чудес, потрёпанных наверно,
Валяется во всех пяти углах.

Когда я на руки беру строку, несу куда-то,
Когда, озвучивая майский ритм, смотрю в густой,
В туман укутанный порыв, в лучах Арбата
Ко мне приходит вечность на постой.

И разольётся «Новогоднее» по чашам —
На всех, кто в кровь – по капли по одной!
Как Б у д д а, недвижим лучей разбег по чашам,
Как б у д т о бы не мысль всему виной,
А ливень, вровень с ртами, захлебнула —
Неисчислимых горл ряды – вода
С необозримых гор и эхо гула

Промчалось сквозь ночные города.

...И брода нет в огнях. И Бродского. И Бреда*
В честь снов Голландии наяривает джаз.
Я душу отдал за стихи, рассвет вчерашний предал,
Чтоб звёзды вычерпать в каналах, напоказ
Пройтись вслед вам по дну Венеции, на Мойке
Отгалкивать судьбу шестом от дна.
И звук перемещать, как крановщик на стройке
Ведёт стрелу... Жизнь чайками слышна!

И г о в о р батарей, от Ленинграда до Бреслау,
И в о р о г у дверей – в Макеевке, в Ясиноватой,
И сговор ночи майской с тучами, удавшийся на славу,
Девчонка в этажерке, в гимнастёрке, чуточку великова-
той,

Из песни Евтушенко и Крылатова...
И многое ещё, читай, проглатывай,

Смотри, во все глаза! Вот, только: «Б р о д, кому!?»
И ветер поворачивает к Б р о д с к о м у,
Идущему по неисхоженным по крышам городам,
По бельевой верёвке над сурьмой колодца

Четырёхгранки питерской,

об иглы уколоться

Ослепших матерей... Я, будто орден в руки передам, —
Остывший крик: «Эй, с ветчиною б у т е р б р о д, кому!»,
Невольно в кому опрокидываясь – к Бродскому...

Куда живём, зачем всё это надо?
«Читателя, советчика, врача!» —
Извечен крик, как алый привкус яда.
Пусть, вымысел правдивый, сгоряча,
Лавируя меж публикой сонливой,
Прилаживает простынь к тишине,
Чтоб кадры: пони с выкрашенной гривой
Катает мальчика по кругу, на спине...

**Бреда – городок в Нидерландах, там проходят ежегодные джазовые фестивали*

2023

Снег да вьюга и некуда деться!

«Что-то всеми навек утрачено»

Сергей Есенин

Снег да вьюга.
И некуда деться!
Ни руки. Ни приюта. Ни зги.
Никого...
Люто ломится в сердце —
Ночь! И снег устилает мозги.

Ночь да звёзды.
И некому даже
Распласта'нную в чёрном снегу
Мою душу согреть. Нос не кажет
В злую темень народ. Не смогу

Дотянуться рукой до рассвета,
Слишком ночь,
Слишком окна темны!
Всех талантливых песенка спета,
Под шарманку у серой стены.

Стужа льнёт
К сердцу, кровь остужая,
Ошалевшая в доску пурга

Заметает – Россия чужая! —
Вместо той, что навек дорога.

Вихрь да темень.
И нету просвета!
При дверях уже гибель моя.
В замерзающем сердце поэта
Обезлюдевшие края.

И найдут
Бездыханное тело
Поутру —
Ни друзья, ни враги.
Отъесенилась жизнь. Опустела.
Ни руки. Ни приюта. Ни зги.

2009—2015 г.г.

Улица Мандельштама

«Это какая улица? – Улица Мандельштама»

1.

Я чту мелодию – нордический органа
Аккорд с тяжёлым приступом причала,
В нём вскрытой мидией волна погана,
Бушует мелко, чайка прокричала

Тоску промокшую нагромождённых камней.
В глубь отступает шелест жизни давней.
И снова к горлу море подкатило!
Безмолвно тонет блёклое светило.

Хронометра я слышу хромоногий
Усталый ход, ишь надорвал пружины.
Чаруюсь. И чуруюсь фальши многих!
Сны на песке – волной уничтожимы.

Предвосхищаю тщету всех дерзаний.
Кровь от – Елабуги, вплоть до – Рязани!
Куда мне вечность деть, скажите,
Временщики, я времени сожитель!

Я чту мелодику нордического соло
Расколотого молнией уклада.
Пустуют – города, молитвы, сёла!
Мне массы голой пустоты не надо.

2.

Настольные лампы
Свой свет укороченный
Уткнули в ребячество строк роковых.
И взгляды огнями домов оторочены...
Эпоха за окнами —
Мастеровых.

Клокочут цеха. Заржавели окраины.
Штампуют. Зарю и сиреневый лист.
И кашель движков. И кислотка окалины.
Напрасен и безукоризненно чист

Закат в мутных стёклах – пенсне кареглазое
Блестит. Ослепительный облик ослеп!
И, как трубочист с длинным тросиком, лазает
Фонарная тень вдоль, похожей на склеп,

Распластанной тверди пространства намоклого,
Долинным умытого длинным дождём.

Под сенью скрывается взмаха Дамоклова —
Разъятая стать! Свет в окне побеждён:

Не тьмою, не ночью – эпохой кондовою,
В которой конвейер, заклинив, гремит!
На час арендованной рыщет гондолою
Алхимия, смерть превращая в гранит.

Настольные лампы
Сидят в позе лотоса.
К дням низменным с высшим презреньем готов!
Когда же начнут, будто лампочки, лопаться
Текучие звёзды
 Текущих годов?!

3.

Противлюсь времени...
Иль мельниц Дон Кихота
Мне не достаточно?
Шутом елозя

Пред тронным Лиром, миром...
И была охота
Губить себя?

Лишь снег.
Лишь скрип полозьев —

Над всем разгулом
Завывающей метели!
Жизнь не вернуть.
Смирись, душа, дичая.
Глотками обжигающего чая
Согреть тоску...
Вы искренность хотели?

Так получайте:
Не поэты победили —
Везде. Во всех краях
Всех ипостасей, всюду!

И никаких иллюзий. Ил идиллий.
Сгребает век, как битую посуду —

Осколки колкие
Тончайшего фарфора —
Все таинства, все чары строк спонтанных...
И под лучистый кобальт семафора,
В который навсегда шагнула Анна,

Поэзия растает...
Слишком тонко,
Заливисто проплачет собачонка

В сквозящей ночью подворотне века.
И где-то в вышине погаснет Вега...

4.

Я взрываю, как лёд, мандельштамовской речью —
Трёхкопеечный, узкий, бездарный мирок
Колченогих стихов! Я звездами перечу
Сотням тысяч – поэзию бросивших впрок!

Эта странная чайка в немом переулке —
И стенанья вдоль стен, и опасна вблизи.
Как же мечется! Рыскает! Обликом гулкий
Город чистые крылья валяет в грязи.

Что за блажь? – втиснуть вечность в прокрустово ложе
Малахольной строки – шутовское ярмо!
Завернёт – отсечённую мочку, положит
Где-то рядом – Ван Гог. И стемнеет Арно.

Пребывая на кромке заветного края,
Бездыханным ветрам подарив темноту,
С первозданным рассветом в бирюльки играя,
Щедрость жажды вмещаю в степей тесноту!

Мысль гуляет в стихе ветерком по паркету,

Обтекает рассветом размеренный бой
Полуночных напольных часов, ноту эту
Слышу длинно, как тёмного моря прибой.

Я встречаю, как гром среди неба, героя:
В закоулках ночлежек, в толпе работаг.
Спит пространство слезами, дождями сырое,
И полотнище ночи на окнах внатяг.

Спи, Двадцатый, мой век имени Мандельштама,
Твои грёзы устали от гроз и тревог!
Спи серебряным сном, спи под сенью каштана...

Я – с тобой!

Я тебя в самом сердце сберёг.

Маяковский. Застреленное сердце

Очумевшие от весны,

Пробудившиеся ветки лихорадит —

Ветер! – вытер каурые стены безмолвия квёлого.

Грифельные точки в письмах проставлены. Тише, бога ради,

Просто стойте и слушайте: капли рассветного олова.

Небо ясное. На тысячи вёрст вперёд нет «города-сада», липа!

Руки отнялись – тянуть, толкать вагонетки с породюю.

Либо вовсе запечатать глаза, делать вид что обойдётся всё, либо

Сердце застрелить... Тишиною отрадную порадию...

В комнатёнке – громадный.

На полу.

Рядом жизнь, на дистанции вдоха.

Струйкой крови тянется мысль: тишь выстрелом искорёжена.

«Хорошо» – из недр поэмы, а на гора получается – плохо.

Кисть шевельнулась, как будто коснулась кисти Серёжиной.

Гражданин
не наставшей,
не осуществлённой страны
и не возникшей

Сам расстрелял себя – за то, за «это» и за апломб фальши.
Обречённым на будущее жить? Из вздувшихся вен рикши
Личного – извлекать кумач? И обманываться в кровь
дальше?

Есть предел: одиночеству, нервам изодранным, дальше
нельзя, братцы!

По'лки голодные, волчьи стаи мещан, и полки штыков.

Пешка чёрная, лишь переименованная в ферзя, стыдно
браться —

Пешков Максим. И Маяковский пропал: вышел, и был та-
ков.

Я рифмую весеннюю гибель его...

Поэзия на костях! – чтоб

Каждая водосточная труба – вновь ожила гулами!

Я бы сам, выбиваясь из сил, прочь из города-ада, отволоку
гроб,

Выложил посмертное пристанище тенями голыми,

Лишь бы вызнал кто, догадался кто-нибудь

Какою ценою строки —

Падают манной в рты, в миски оловянные и по'д ноги!

Чтобы выхлебали до дна лунное месиво, не были так стро-

ги,

Будни рассусоливая громадные и крохотные подвиги.

Тишина.

Он уже там.

И для всякого-каждого недосыгаем.

Волосы слегка рассыпались. И лучи подошли к две'ри...

Раздаётся клаксонами за окнами и пестрит жизнь попуга-

ем.

Больше никогда — этот поэт...

В это каждый из нас верит.

Здесь жила

«Здесь жила Анна Ахматова...»

«Здесь жила...». Прохожу. Миную.
Во всю улицу дом! Ослеп.
Понарошку живу. Иную
Надпись ждёт трёхподъездный склеп.

Делать вид – что как все, такой же,
Удаётся мне. Удавись! —
Шёпот в спину. Ведёт по коже
Тонким месяцем злая высь.

Поравнялось с позёмкой эхо,
Породнилась с блаженством блажь:
Взял бы с чёрного неба съехал
Снегом, звёздами! Не промажь,

Век-охотник, добей добычу,
Заалеет в снегу, замрёт!
Сумасшедший, в морозы кличу
Журавлей, искривлённый рот,

Наглотавшись седого гула,
Допромолвил строку о том,

Как пронзительно распахнула
Полночь – двери, в снегу густом!

«Здесь, живём...». Вот какую надо
Эпитафию... Здесь живём?!
В гущу вечного снегопада,
В пропасть – окна таращит дом.

А стихи остались...

«Милый мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто»

(Реплика Есенина Кириллову в 1925 году)

А стихи остались.

Словно стая

Размахнула крылья вдоль зари.

И полоска вечера густая

Нежно тает,

Что ни говори.

И поёт,

И кружится,

И длится,

Ярко увядает тонкий свет.

Голосов белёсых вереница.

Не смолкает крыльями поэт!

С каждым мигом взмахи всё далече,

Всё прощальней оклик,

Всё темней...

Ранит в кровь осокою, да лечит
Душу – мягкой ветошью теней —

Вечер нескончаемо высокий,
Краткий век и долгий миг зари.
Алый след вокруг шеи? – От осоки!
Если спросят, так и говори.

Накuna Matata

Пусть горячит пунцовый пунш разноголосицы —
Последний век моря штурмующей земли,
Когда над «ундервудом» весело проносятся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.